

SOIT

que

l'Abîme

blanchi

éta le

furieux

sous une inclinaison

plane désespérément

d'aile

la sienne

par

avance retombée d'un mal à dresser le vol
et couvrant les jaillissements
coupant au ras les bords

très à l'intérieur résume

l'ombre enfouie dans la profondeur par cette voile alternative

jusqu'adapter

à l'envergure

sa béante profondeur en tant que la coque

d'un bâtiment

penché de l'un ou l'autre bord

LE MAÎTRE

surgi
inférant

de cette conflagration

que se

comme on menace

l'unique Nombre qui ne peut pas

hésite
cadavre par le bras

plutôt
que de jouer
en maniaque chenu
la partie
au nom des flots

un
nauffrage cela

hors d' anciens calculs
où la manœuvre avec l' âge oubliée

jadis il empoignait la barre

a ses pieds
de l' horizon unanime

prepare
s' agite et mele
au poing qui l' étreindrait
un destin et les vents

être un autre

Esprit
pour le jeter
dans la tempête
en reployer la division et passe fier

écarté du secret qu' il détient

envahit le chef
coule en barbe soumise

direct de l' homme

sans nef
n' importe
où vaine

ancestralement à n'ouvrir pas la main
crispée
par-delà l'inutile tête

legs en la disparition

à quelqu'un
ambigu

l'ultérieur démon immémorial

ayant
de contrées nulles
induit
le vieillard vers cette conjonction suprême avec la probabilité

celui
son ombre puérile

caressée et polie et rendue et lavée
assouplie par la vague et soustraite
aux durs os perdus entre les ais

né
d'un ébat
la mer par l'aï eul tentant ou l'aï eul contre la mer
uní chance oiseuse

Fiançailles

dont
le voile d'illusion rejailli leur hantise
ainsi que le fantôme d'un geste

chancellera
s'affalera

folie

N' ABOLIRA

COMME SI

Une insinuation

au silence

dans quelque proche

voltige

simple

enroulé avec ironie

ou

le mystère

précipité

hurlé

tourbillon d' hilarité et d'horreur

autour du gouffre

sans le joncher

ni fuir

et en berce le vierge indice

COMME SI

plume solitaire éperdue

sauf

*que la rencontre ou l' effleure une toque de minuit
et immobilise
au velours chiffonné par un esclaffement sombre*

cette blancheur rigide

dérisoire

en opposition au ciel

trop

pour ne pas marquer

exigüment

quiconque

prince amer de l' écueil

*s' en coiffe comme de l' héroïque
irrésistible mais contenu
par sa petite raison virile*

en foudre

soucieux

expiatoire et pubère

muet

*La lucide et seigneuriale aigrette
au front invisible*

scintille

puis ombrage

*une stature mignonne ténébreuse
en sa torsion de sirène*

par d' impatientes squames ultimes

rire

que

SI

de vertige

debout

le temps
de souffleter
bifurquées

un roc

faux manoir
tout de suite
éaporé en brumes

qui imposa
une borne à l' infini

C'ETAIT
issu stellaire

CE SERAIT

pire

non

davantage ni moins

indifferemment mais autant

EXISTÂT-IL
autrement qu'hallucination éparse d'agonie

COMMENÇÂT-IL ET CESSÂT-IL,
sourdant que nié et clos quand apparu
enfin
par quelque profusion répandue en rareté

SE CHIFFRÂT-IL

évidence de la somme peu qu'une

ILLUMINÂT-IL

LE HASARD

Choit
la plume
rythmique suspens du sinistre
s'ensevelir
aux écumes originelles
naguères d'où sursauta son délire jusqu' à une cime
flétrie
par la neutralité identique du gouffre

RIEN

de la mémorable crise
ou se fût
l' événement

accompli en vue de tout résultat nul
humain

N'AURA EU LIEU
une élévation ordinaire verse l'absence

QUE LE LIEU
inférieur clapotis quelconque comme pour disperser l'acte vide
abruptement qui sinon
par son mensonge
eût fondé
la perdition

dans ces parages
du vague
en quoi toute réalité se dissout

EXCEPTÉ

à l'altitude

PEUT-ÊTRE

aussi loin qu'un endroit

fusionne avec au-delà
 hors l'intérêt
 quant à lui signalé
 en général
selon telle îbliquité par telle déclivité
 de feux

vers
 ce doit être
 le Septentrion aussi Nord

UNE CONSTELLATION

froide d'oubli et de désuétude
 pas tant
 qu'elle n'énumere
sur quelque surface vacante et supérieure
 le heurt successif
 sidéralement
d'un compte total en formation

veillant
 doutant
 roulant
 brillant et méditant

 avant de s'arrêter
à quelque point dernier qui le sacre

Toute Pensée émet un Coup de Dés

Печатается по изданию:

Stéphane Mallarmé. Œuvres Complètes. Librairie Gallimard, Paris, 1945.

Полю Валери

КАК БЫ НИ ВЫПАЛИ ИГРАЛЬНЫЕ КОСТИ... (Письмо Главному редактору журнала «Марж»)*

(Перевод и комментарий Ю. Степанова)

Господин Главный редактор,
один друг, желающий мне зла, положил мне на глаза последний номер журнала «Марж». «Вот!» — сказал он... Я проследил за его указующим перстом и прочел в статье, *имеющей отношение к Поэзии*, что «Малларме выбрал своим душеприказчиком одного поэта, испытавшего превратности судьбы, и оказалось, если для покойных что-либо еще может «оказаться», что этот поэт возобновляет подвиги Жан-Батиста Руссо...»¹

— Ну что? — продолжал он. — Ну ничего, — ответил я. — Меня это определение исключает. «Поэт, испытывавший превратности судьбы»: я не испытал ни больше превратностей, ни более тяжелых, чем тысяча других. «Душеприказчик Малларме» — вот это главное: Малларме не оставил завещания; никогда, ни в письменной, ни в устной форме он не поручал мне исполнить его волю. Остается упоминание Ж.-Б. Руссо... Что находят общего у меня с ним? Некогда мне попадались на глаза какие-то его стихотворения, затерянные в сборниках для школьного чтения. Но его «подвиги» мне неизвестны. Совсем смутно вспоминаю, что его обвиняли в ужасной клевете и за нее навсегда изгнали из Франции... Но я клевету не namного больше, чем принято, и не слышал, чтобы существовал указ о моем изгнании. Вот три признака, которые, по Вашему мнению, указывают на меня. Первый подходит ко многим, второй ни к кому, третий неприложим ко мне лично. Итак, ступайте с миром, мой милый, и успокойтесь на мой счет. Если бы в статье хотели сказать что-либо мне лично, автору достаточно было бы прямо назвать меня, а заодно и себя.

Но раздраженный человек не думает о логике. Мое спокойствие действовало на него, как вид красивого сосуда, который руки чешутся разбить вдребезги². Ему ужасно хотелось, чтобы я написал Вам, господин Главный редактор. Ну что ж, — он добился своего.

Делаю этот крайний шаг со своего рода отчаянием, поскольку не имею вкуса к бесплодным дебатам, которые завязываются и гложут на последних страницах журналов. Я видел их слишком много за эти тридцать лет. Но уступаю важным для меня воспоминаниям... К тому же у меня, пожалуй, есть что сказать по поводу этого «Как бы ни выпали игральные кости», который новые защитники Малларме упорно именуют «Как бы ни выпала игральная кость».

* * *

Я уверен, что был первым человеком, увидевшим это выдающееся произведение. Едва окончив его, Малларме позвал меня к себе. Он провел меня в свою комнатку на улице Рима, где за занавеской из старинного ковра были сложены до момента его кончины — что должно было послужить сигналом к их уничтожению — связки его бумаг, секретные материалы его великих несозданных сочинений. На столе из очень темного дерева, с гнутыми ножками, он разложил рукопись своей поэмы, и принялся читать ее вслух, тихим ровным голосом, без малейшего «выражения», почти про себя...

* Этот текст П. Валери может служить художественным комментарием к тексту С. Малларме «Как бы ни выпали игральные кости, случая все равно не избежать».

Я люблю это отсутствие выразительных приемов³. Человеческий голос сам по себе для меня так прекрасен, когда слышишь его у его источника, что профессиональные чтецы мне почти всегда непереносимы. Они стараются *выразительно подать, исполнить*, они развратно оголяют, форсируют гармонии текста, подставляют свой «лиризм» на место собственной красоты гармонично соединенных слов. Их парадоксальное мастерство состоит в том, чтобы заставить слушателя принять в данный момент, *здесь и сейчас*, как нечто прекрасное самые неряшливые стихи⁴, но тем самым погубить большую часть из того, что существует в силу собственного совершенства. Мне доводилось, увы!, слышать в такой декламации «Иродиаду» и божественного «Лебеда»⁵.

Прочитав мне столь невыразительным образом «Как бы ни выпали...», Малларме подводил меня к большей неожиданности, и наконец мне открылся его замысел. Мне показалось, что я вижу самую фигуру мысли, впервые помещенную в наше пространство. Здесь поистине протяженность (*l'étendue*) говорила, воображала, переживала зачатие временных форм. Ожидание, сомнение, концентрация внимания были *видимыми*. Мой взгляд наткнулся на паузы, которые становились телесными. Мое тело комфортно погружалось в бесценные моменты: долю секунды, в течение которой, вибрируя, возникает, блеснит и перестает существовать идея; атом времени, зародыш психологических веков и бесконечных следствий, — обнаруживали себя как существа, плотно охваченные небытием, которое можно было ощутить⁶. Это было бормотание, шепот, гром для глаз, смерч в ментальном мире, — и все это проведенное от страницы к странице до последней черты, до прекращения мысли: тут возникала точка обрыва, тут возникло ощущение невыразимого величия и красоты; тут, прямо на бумаге, мне виделись созвездия сияющих вибрирующих звезд, висящих в пространстве ментальных миров, в межментальном пространстве, как некий новый вид бытия, распределенного в массах, в скоплениях, в системах — в пространстве Слова (*la Parole*)⁷.

Я окаменел. Происходящее заворожило меня, как если бы мне открылось невиданное космическое явление, знамение, которое наконец действительно несло какое-то значение. И не было ли это чем-то подлинно космическим — Творение Языка, раскрывающееся передо мной в ментальном мире?

И все это на колченогом столике, действиями этого простого существа, скромного, мягкого, грациозного и обаятельного... Я был погружен в новую среду — впечатлений, сомнений, предчувствий захватывающих идей. Я ощущал тысячи вопросов, но не решался задать их себе. Я ощущал уколы восхищения, сопротивления, обжигающего интереса, нарождающихся аналогий, новой ментальности...

А он — он смотрел на мое удивление без удивления.

* * *

30 марта 1897 года, передавая мне корректуры текста, который должен был опубликовать «Космополис», он сказал с очаровательной улыбкой, этим естественным украшением человека, гордого своей причастностью к Космосу: «Вы не находите, что с моей стороны это акт безумия?»

Немного позже, в Вальвенс, разложив на окне, открытом в тихий пейзаж, чистые листы прекрасного набора издательства Лаюр (который так и не был напечатан), он снова оказал мне честь, спросив мое мнение о деталях типографского расположения своего текста, что и составляло основное в его замысле...

Я не сомневаюсь, господин Главный редактор, в чистоте замысла тех, кто хочет поставить этот текст, «Как бы ни выпали игральные кости», на сцене и доверить осу-